

гом набросились на охрану, перебили ее, а пятьсот голов скота разогнали по степи. Лишь несколько коров погибло во время перестрелки с охраной.

На окраине Краснодона был лагерь смерти, в несколько рядов обнесенный колючей проволокой. Сколько там было наших людей — не знаю. Голод, стужа, болезни валили их с ног.

Больных и слабых немцы гоняли на тяжелые работы. Горе было тому, кто терял силы и падал, — его тут же добивали прикладом.

Однажды пошла я в станицу Морозовскую выменять хлеба. В Морозовской тоже был лагерь. Проходя мимо него, я увидела группу женщин. Они стояли недалеко от проволоки и на что-то смотрели.

Подошла и я к ним.

— Что тут случилось? — спросила я у женщин.

Мне никто не ответил, да и невозможно было рассказать человеческими словами то, что происходило за колючей проволокой.

Больной красноармеец попросил у часового напиться. К удивлению, немец не отказал, быстро сбегал в хату и вынес оттуда раскаленную кочергу.

— Рус, рус, пей! — засмеялся он и сунул кочергу красноармейцу в рот.

В ужасе мы отшатнулись. Но еще долго в ушах стояли стон больного красноармейца и хриплый хохот немца.

У Олега вся краска отхлынула с лица, когда я, плача, рассказала ему, что видела в Морозовской.

И вот штабу «Молодой гвардии» стало известно, что на хуторе Волчанском есть еще один лагерь военнопленных.

Молодогвардейцам Грише Щербакову, Коле Сумскому и еще нескольким, во главе с Анатолием Поповым и Женей Шепелевым, было поручено напасть на лагерь.